



Александр Сергеевич

ГРИБОЕДОВ

(1795 – 1829)

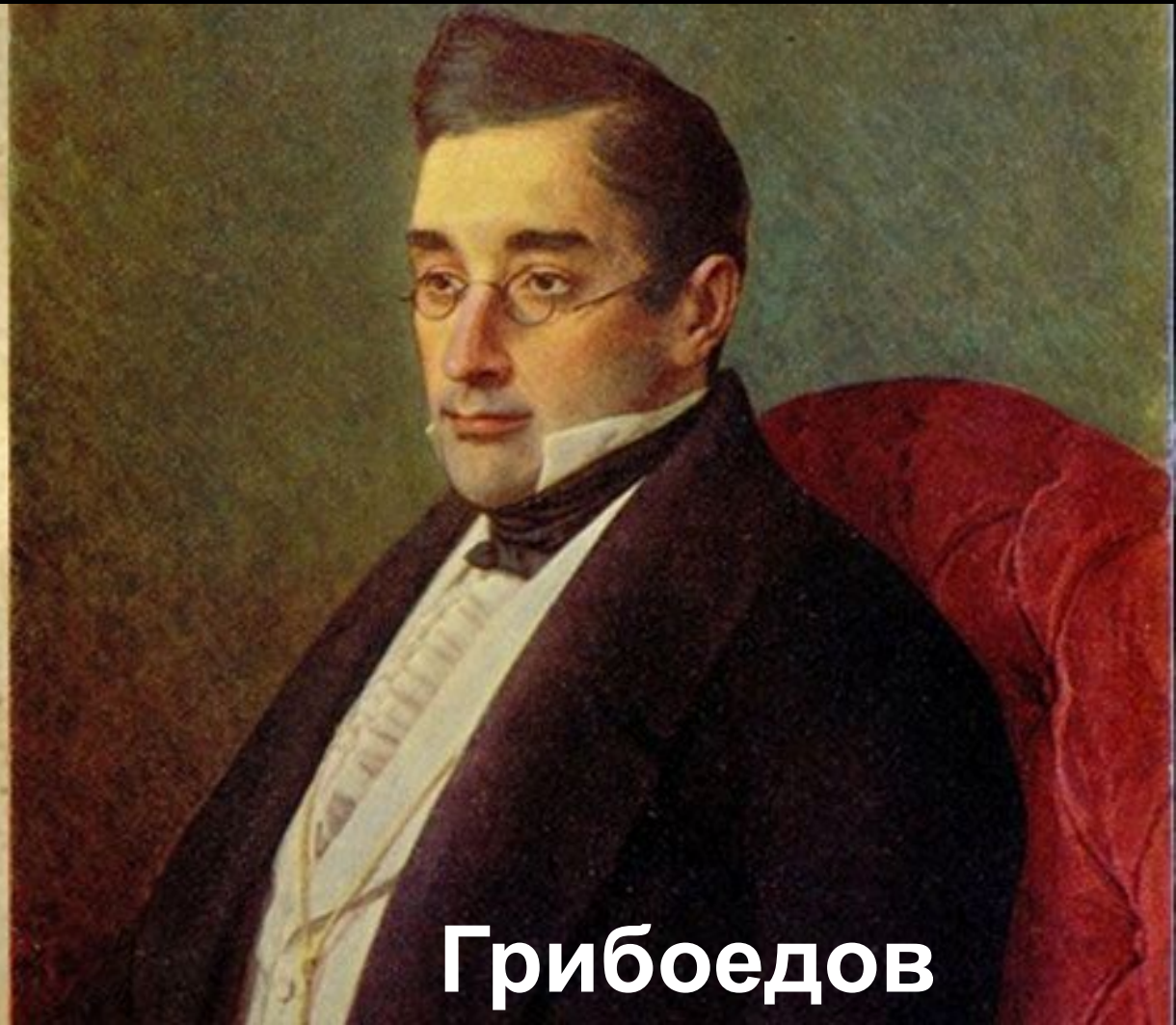


ГРИБОЕДОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ (1795 - 1829)

*Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нем жизни нет;
Но как на нем былых страстей
Еще заметен след!
Так ярый ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев,
Храня движенья вид.
(Баратынский)*

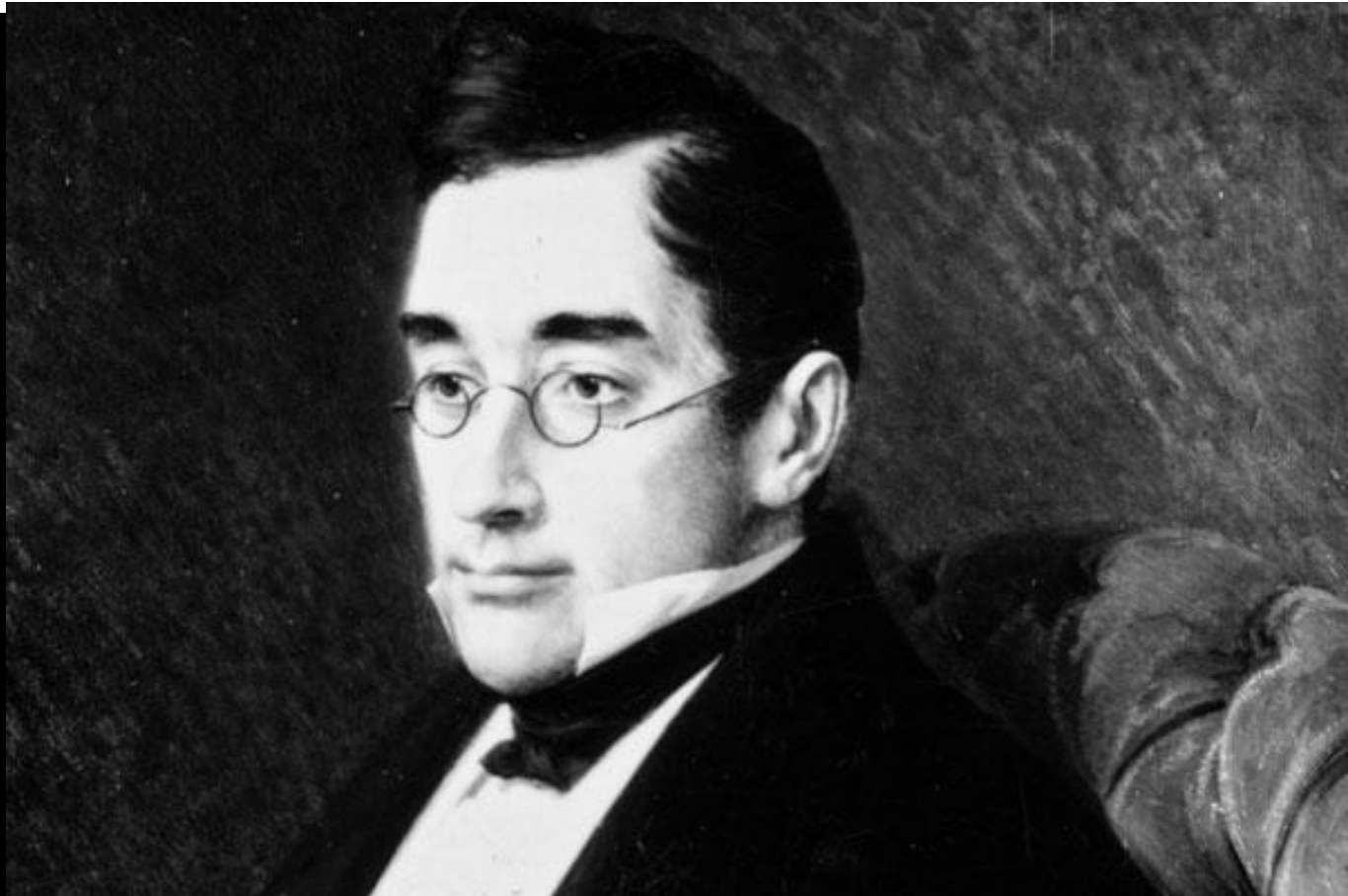


homo unius libri – писатель одной книги



Его предок, **Ян Гржибовский**
(польск. **Jan Grzybowski**), в начале XVII века
переселился из Польши в Россию.

Фамилия Грибоедов представляет собой перевод
фамилии Гржибовский.



**Грибоедов родился в Москве
в обеспеченной родовитой семье.**



ул. Чайковского, 17



ВУНДЕРКИНД

**В 6-летнем возрасте
свободно владел тремя
иностранными языками,
в юности уже шестью:
английским,
французским, немецким
и итальянским.
Очень хорошо
понимал
латынь и
древнегреческий язык.**



Отец — Сергей Иванович Грибоедов (1761—1814). Мать — Анастасия Фёдоровна Грибоедова (1768—1839).

По свидетельству родственников, в детстве Грибоедов был очень сосредоточен и необыкновенно развит.

Усадьба Хмелита, родовое имение Грибоедовых с 1680 года



Московский университетский благородный пансион



В 1803 году Грибоедов был отдан в **Благородный пансион**. А через три года, **одиннадцатилетним мальчиком**, он поступил в **университет**. Александр Сергеевич окончил словесное отделение философского факультета **Московского университета**.

Грибоедов был **«вундеркиндом»**, окончившим университет в **15 лет**.



Летом **1812** года, во время Отечественной войны 1812 года, когда неприятель появился на территории России, **Грибоедов вступил в Московский гусарский полк (добровольческое нерегулярное подразделение)** графа Салтыкова.

С 1817 служил в Министерстве иностранных дел в Петербурге; **в это время познакомился с Пушкиным.**



Во время своего очередного пребывания на Кавказе (июнь 1829 г.) А. С. Пушкин на границе Грузии с Арменией встретил арбу, запряженную двумя волами. Несколько грузин сопровождали ее.

«Откуда вы?»,- спросил поэт.

– «Из Тегерана».

– «Что везете?» - «Грибоеда».

Это было тело одного из самых замечательных людей начала XIX века – А. С. Грибоедова...



Кавказ

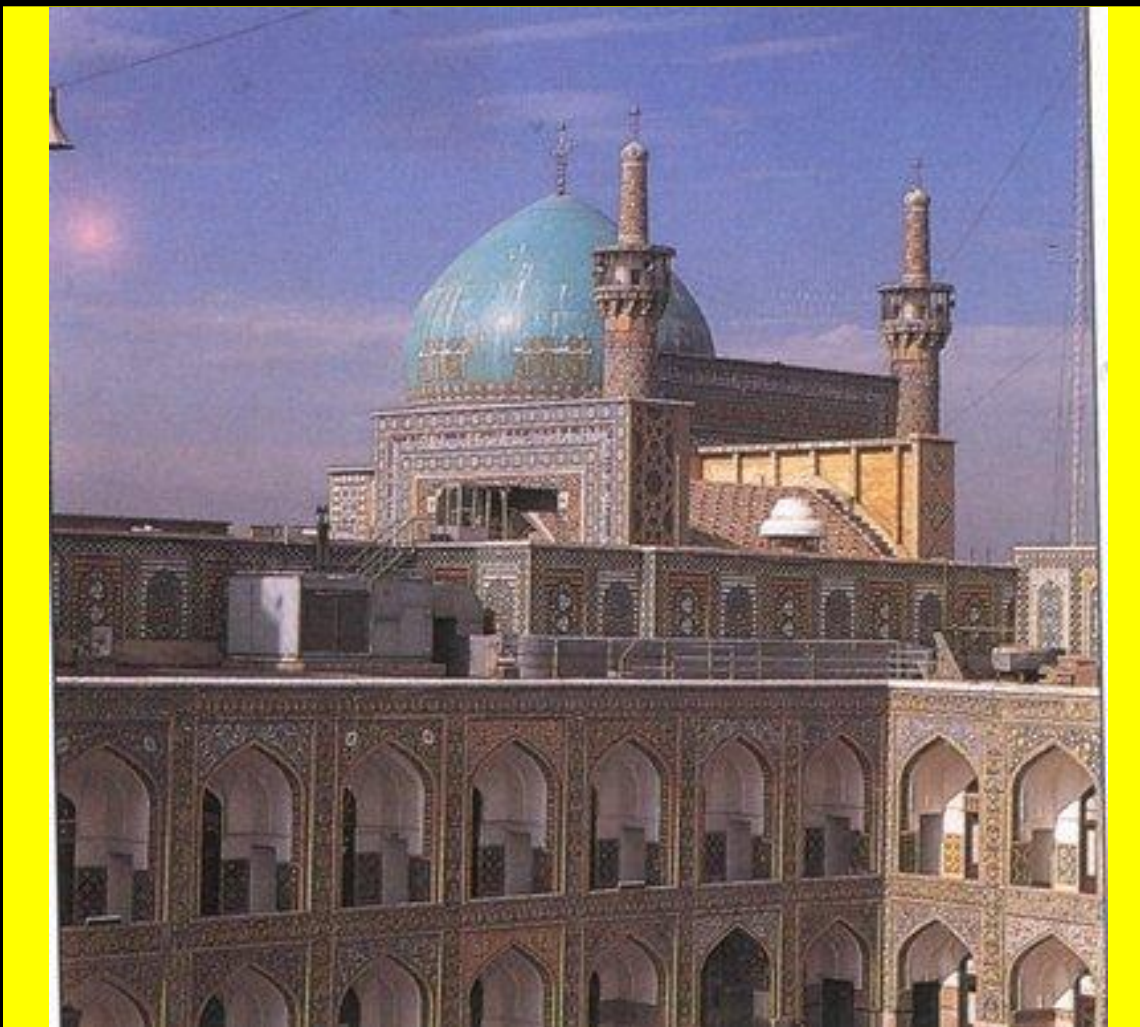
Четвертная дуэль

Два года балерина Истомина была возлюбленной кавалергардского штаб-ротмистра Шереметева. Случилась ссора, и Истомина съехала к своей подруге. 17 ноября начинающий литератор Грибоедов, друживший с Шереметевым, повёз балерину «на чай» к другому своему приятелю, камер-юнкеру графу А. П. Завадовскому, с которым делил одну квартиру в столице. Балерина задержалась там на два дня.

Потом произошло примирение Шереметева и Истоминой, и та во всём призналась. Подстрекаемый А. И. Якубовичем, Шереметев вызвал Завадовского на дуэль. Якубович и Грибоедов также обещали драться. Условия самые жестокие: стреляться с шести шагов. Первым стрелял Шереметев. Пуля пролетела так близко, что оторвала воротничок сюртука Завадовского. Разъярившийся Завадовский вызвал противника к барьеру и попал ему в живот. Шереметев несколько раз подпрыгнул на месте, потом упал и стал кататься по снегу. Тогда Каверин и сказал ему: «Что, Вася, репка?» (иронически в смысле: «Что? вкусно ли? хороша ли закуска?»). Якубович, специалист по дуэлям, вытащив пулю, протянул её Грибоедову со словами: «Это — для тебя». Ввиду трагического исхода схватки первой пары, вторая дуэль была отложена. Спустя сутки Шереметев умер.

Вторая дуэль состоялась лишь осенью 1818 года. Якубович был переведён в Тифлис по службе, там же оказался проездом и Грибоедов, направляясь с дипломатической миссией в Персию. Грибоедов выстрелил первым и промахнулся. Якубович прострелил ему ладонь левой руки. Именно по этому ранению удастся впоследствии опознать обезображенный труп Грибоедова, убитого религиозными фанатиками во время разгрома русского посольства в Тегеране.

Назначен министром-резидентом (послом) в Иран; по пути на место назначения вновь провёл несколько месяцев в Тифлисе и женился там 22 августа 1828 года на княжне **Нине Чавчавадзе**, с которой ему довелось прожить **всего несколько недель**, от нее имел **сына Александра**, который не прожил и дня.



Любовь Грибоедова

16 июля 1828 года. Тифлис. Дом Прасковьи Николаевны Ахвердовой. Обед. Много гостей. За столом – крестная Прасковьи Николаевны, дочь генерал – майора русской армии, крупнейшего грузинского поэта и литератора, губернатора – наместника Нахичеванской и Эриванской областей Александра Герсевановича Чавчавадзе – Нино.



Ей – неполных 16. лет. Напротив – ее учитель музыки, давний друг ее отца, очень умный и образованный человек, знающий более 5 языков, недавно (15 апреля 1828 года) назначенный министром – резидентом и российским послом в Персию – Сандро, а точнее – Александр Сергеевич Грибоедов. Ему – 35.



Нино не помнила, как сказала "да", что было потом. Взявши за руку, Грибоедов повел её к матушке, к бабушке, к крестной. сем объявили о женитьбе, все ахали и поздравляли, из подвалов несли шампанское. Като, взволнованная, обнимала и целовала сестру. Когда позже Сонечка Орбелиани, давняя подруга Нины, пыталась выведать у нее подробности того вечера, она смущенно опускала ресницы и говорила тихо: **"Не знаю, право же, не знаю! Как во сне! Как солнечным лучом обожгло!"**. Крестная, смеясь, подтверждала:

"И точно, затмение солнечное на вас обоих нашло, иначе - как объяснить?! С бухты-барухты пошли было передохнуть перед болтовней кофейной, а тут тебе на те, пожалуйста, бегут-летят "Ниночка - невеста!".



Пользовавшийся успехом у женщин Грибоедов никогда не испытывал глубокой и сильной привязанности. Но очарованный Ниной, он не отводил взгляда от ее темно-карих глаз, обрамленных длинными ресницами и излучавших доброту и кротость. Трепетные чувства впервые овладели им.

"Дружески поздравьте меня. Я жених, но вернусь за женой не ранее зимы. Если она вполонину любит меня, как я ее, то, конечно, она сделает меня счастливым".

Нина Чавчавадзе

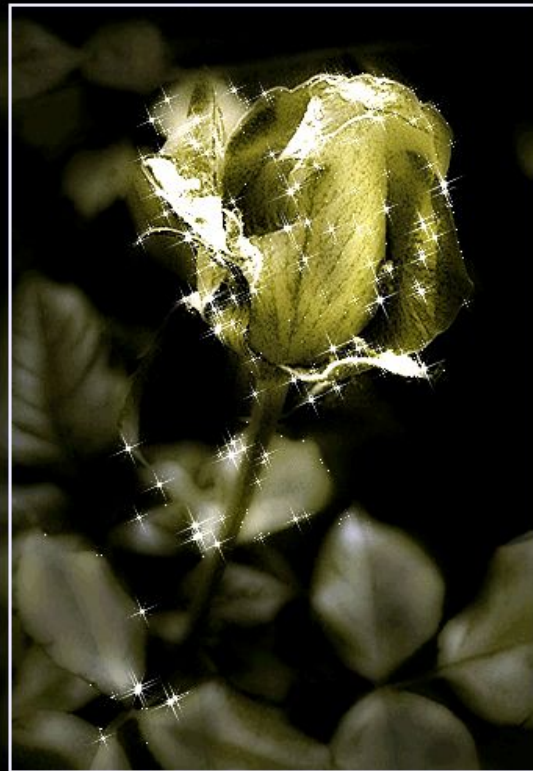


“В тот день, – писал Грибоедов, – я обедал у старинной моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Нины Чавчавадзевой... все на нее глядел, задумался, сердце забилося, не знаю, беспокойство ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мне решительность необычайную, выходя из стола, я взял ее за руку и сказал ей по-французски: “Пойдемте со мной, мне нужно что-то сказать вам”. Она меня послушалась, как и всегда, верно, думала, что я усажу ее за фортепиано... мы... взошли в комнату, щеки у меня разгорелись, дыхание занялось, я не помню, что я начал ей бормотать, и все живее и живее, она заплакала, засмеялась, я поцеловал ее, потом к матушке ее, к бабушке, к ее второй матери Прасковье Николаевне Ахвердовой, нас благословили.





После венчания молодые отправились в имение князя Чавчавадзе в **Цинандали** и счастливо прожили очень короткое время. После отправились в Персию, к месту службы. Передвигались с продолжительными остановками в пути, поэтому дорога отняла много времени. **На персидской земле, в Тавризе, выяснилось, что Нина беременна.** Учитывая тревожную обстановку в чужой стране, Грибоедов принял решение следовать в Тегеран без жены. **Супруги расстались, но почти каждый день Александр пишет любимой письма...**



«Бесценный друг мой! Грустно без тебя, как нельзя больше... Только теперь я истинно чувствую, что значит любить. Прежде расставался со многими, к которым тоже крепко был привязан, но день, два, неделя – и тоска исчезала. Теперь – чем дальше, тем хуже. Скоро и искренне мы с тобой сошлись навек. Целую... всю тебя с головы до ног. Грустно».

Персия



Гибель Грибоедова

Прибыв ко двору шаха, Грибоедов проявил себя прежде всего тем, что отказался соблюдать придворный этикет. По установленному обычаю посланник должен был, перед тем как пройти в аудиенц-залу, некоторое время провести в кишик-ханэ, комнате телохранителей и адъютантов. Английские, турецкие и прочие дипломаты, бывавшие при дворе шаха, не находили в этом обычае ничего дурного, но Грибоедов устроил скандал, возмутился, «выражался дерзко и высокомерно». Кроме того, Грибоедов отказывался снять обувь и каждый раз входил к шаху обутым, что по персидским меркам было верхом неуважения.



Со стороны улиц, примыкавших к русскому посольству, стали доноситься зловещий топот и гул толпы, которая приближалась к ограде. Вскоре у ворот сгрудились люди, выкрикивавшие гневные проклятия. Многие из них вооружились палками, камнями, кинжалами, палашами...

Персидские стражники, приставленные к охране русского посольства, не в силах были воспрепятствовать напору толпы, которая, взломав ворота, ворвалась во двор: "Бекош ура! Бекош ура!! (Убей его!)" - неслось отовсюду, возбуждая в толпе фанатическую ярость.

Русские казаки, защищаясь, открыли стрельбу, но это лишь разъярило толпу, которая ворвалась в здание, растекаясь по помещениям, круша все на своем пути. Кто-то уже взламывал крышу, на помощь им спешили другие. Остановить лавину погромщиков и головорезов не было никаких сил. Местная стража, расступившись перед разъяренной толпой, осталась немым свидетелем свершившегося.



Горстка русских сражалась отчаянно, возглавлял этот маленький отряд Грибоедов. Его мужество и хладнокровие позволили русским продержаться некоторое время, но наступающих было слишком много. Русский посол и охранявшие его казаки были жестоко убиты. **Бесчинствующая толпа таскала его изуродованный труп по улицам несколько дней, а потом бросила в общую яму, где уже лежали тела его товарищей.**





...Страшную весть о гибели мужа тщательно скрывали от Нины. Её удалось перевезти с полдороги в Персию в Тифлис, и уже на родине в случайном разговоре беременная женщина узнала об участи, постигшей её любимого мужа. **« Свыше моих сил выразить Вам, что я тогда испытала... Переворот, происшедший в моем существе, был причиной преждевременного разрешения от бремени... Мое бедное дитя прожило только час и уже соединилось со своим несчастным отцом в том мире, где, я надеюсь, найдут место и его добродетели, и все его жестокие страдания».** Останки Грибоедова перевозили в русские пределы крайне медленно.

Всю оставшуюся жизнь Нина Чавчавадзе-Грибоедова прожила попеременно в Цинандали и Тифлисе, продолжая носить траур по мужу и оплакивать его смерть. Она так и не вышла замуж во второй раз, отвергая все ухаживания (в частности, безответно влюблённого в нее на протяжении 30 лет поэта и генерала Григория Орбелиани). Её верность трагически погибшему мужу стала легендарной ещё при её жизни; имя Нины Чавчавадзе было окружено почётом и уважением тифлисцев. В 1857 году она умерла во время разразившейся в Тифлисе эпидемии холеры.

В 1879 году поэт Яков Полонский посвятил её памяти стихотворение «Н. А. Грибоедова»:





...Высоко над Тбилиси, в монастыре св. Давида, что на горе Мтацминда, покоится их прах. Сюда, к увитой плющом нише с двумя могилами, приходит много людей. На одном из надгробий, обхватив распятие, рыдает коленопреклоненная женщина, отлитая из бронзы. Все свое великое и трепетное чувство вложила Нина в слова, горящие на холодном и тяжелом черном камне:

***“Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!*”**

